

1

Выйдя из дома с таким расчетом, чтобы не опоздать на прием к начальству в квестуру, Гвидо Брунетти вскоре уже сидел в самом конце салона вапоретто¹ номер один и лениво листал утреннюю *Il Gazzettino*². Едва он подумал, что останков «Салюте» они проехали и скоро «Валларессо», как вдруг где-то рядом взревел мотор, переведенный в реверсивный режим. У коренных венецианцев своя, встроенная система эхолокации, почти как у летучих мышей: Брунетти легко определил, что до левого берега канала далеко, и тем более неуместным показался ему этот звук. Может, впереди какая-то помеха и капитан пытается ее обойти?

Комиссар опустил газету, осмотрелся и ничего такого не заметил. Впрочем, нет, впереди по курсу — плотная серая стена, в которой Брунетти сразу же опознал наползающую полосу тумана. Верилось в это с трудом, настолько ясным было небо, когда он двадцать минут назад вышел из парадной. И вот, пока он читал об очередном провале проекта MOSE³ (проблемы с паводковыми шлюзами, и это после тридцати лет планирования и казнокрадства!), поперек канала, перед самым носом вапоретто словно натянулся занавес из толстой серой ткани.

---

¹ Речной трамвай в островной части Венеции. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Ежедневная газета, популярная на севере Италии.

³ Технический проект, цель которого — защита Венеции и близлежащих населенных пунктов от наводнений.

Конечно, туманы в ноябре не редкость, и с прошлой недели ничуть не потеплело... Брунетти посмотрел на своего соседа справа, но тот был настолько поглощен происходящим на экране смартфона, что не заметил бы и стайки серафимов, спустись они с небес и начни заглядывать в окна.

За пару метров до серой стены вапоретто остановился, и двигатель перешел на нейтралку. Сзади какая-то женщина прошептала: *Oddio!*¹ — голосом, в котором угадывалось легкое удивление, но не страх. Брунетти посмотрел налево, в сторону *riva*². Гостиницу Еигора и Палаццо-Тревес еще можно было разглядеть, а вот дворец Ка'Джустиниан поглотил все тот же плотный туман, что висел сейчас над Гранд-каналом.

Сосед справа наконец оторвался от телефона и посмотрел вперед, после чего снова уткнулся в миниатюрный экран, держа его в левой руке. Брунетти сложил газету и обернулся. Через окна и стеклянную дверь запасного выхода он увидел несколько подплывающих суден и еще пару плывущих в обратном направлении, к мосту Риальто. Трамвайчик номер два отчалил от остановки «Академия» и поплыл было к ним, но вскоре сбросил скорость, а потом и вовсе замер.

Громкий гудок — и из-за притормозившего трамвайчика вырулило и понеслось в сторону их вапоретто речное такси. Когда оно проплывало мимо, Брунетти успел рассмотреть рулевого, беседующего о чем-то со стоящей позади него блондинкой. В следующий миг ее губы приоткрылись, как если бы она охнула от испуга или вскрикнула, вынуждая водителя посмотреть вперед. Не изменившись в лице, тот повернул руль, обогнул трамвайчик, в котором был Брунетти, и такси нырнуло в туманную завесу.

Комиссар протиснулся мимо соседа по сиденью и выскочил на палубу, ожидая столкновения такси с невидимой

---

¹ О боже! (*итал.*)

² Берег (*итал.*).

преградой, но услышал только затихающий гул мотора. Их собственный двигатель тоже ожил, и вапоретто потихоньку пополз вперед. Со своего места Брунетти не видел, включен ли радар на крыше. Наверняка включен, иначе они бы вообще не рискнули сдвинуться с места...

Легко и быстро, как волшебный корабль в сказке, они прошли сквозь серую пелену, и вот оно, солнце! В рубке матрос расслабленно облокотился о стеклянную стенку, в то время как стоящий у руля капитан продолжал смотреть прямо вперед. На набережной, сбросив свои туманные одежды, плавно проплывали вдоль левого борта *палацци*¹. До остановки «Валларессо» оставалось всего ничего.

За спиной у Брунетти открылась дверь, и люди зашагали мимо него, к боковым поручням. Трамвайчик пришвартовался, матрос открыл проход, и одни пассажиры стали высаживаться, а другие — подниматься на борт. Через минуту ограждение снова закрылось и они отчалили. Брунетти оглянулся в сторону моста Академии; туман бесследно растаял. Их трамвай то и дело догоняли и обходили другие суда. Впереди — *бачино*², слева — библиотека Марчиано, собор Святого Марка и Дворец дождей: всё на своих местах, и утреннее солнце разгоняет последние ночные тени...

Брунетти заглянул в салон. Интересно, кто-нибудь, кроме него, видел этот туман? Если бы еще вспомнить, кто из пассажиров был в это время в салоне... Конечно, можно спросить. Он представил себе изумленные взгляды и передумал.

Комиссар провел рукой по металлическому поручню: сухо, и на палубе тоже. На Брунетти сегодня был синий костюм, и солнце приятно согревало его правую руку и плечо. В ясном небе ни облачка, воздух сухой и свежий, ярко светит солнце...

¹ Дворцы (*итал.*).

² Бухта (*итал.*).

Брунетти сошел возле церкви Святого Захарии, забыв в трамвайчике газету. И, глядя вслед вапоретто, попрощался заодно и с надеждой проверить, не привиделось ли ему все это. Размышляя, комиссар медленно прошелся вдоль рива, но объяснений не находилось, и ему это вскоре надоело. Он сосредоточился на предстоящей аудиенции у начальства.

Вчера днем по электронной почте Брунетти получил письмо: виче-квесторе¹ Джузеппе Патта приглашал подчиненного заглянуть к нему утром в кабинет. Без объяснений, как обычно, а вот формулировки, напротив, слишком вежливые.

Чаще всего виче-квесторе Патта вел себя вполне предсказуемо как для человека, столь высоко взобравшегося по бюрократической лестнице. Бездельничал с видом вечно занятого начальника; не упускал ни единой возможности присвоить похвалу, заслуженную всем коллективом; имел черный пояс по перекалыванию на чужие плечи вины и ответственности за провал. Что не вписывалось в общую картину — так это то, что его карьера, с невероятной легкостью миновав предыдущие этапы, вдруг застопорилась. В большинстве своем чиновники его ранга продолжали расти, перемещаясь из провинции в провинцию, из города в город, пока долгожданное повышение не увлекало их в Рим, где они обычно и оседали, как толстый слой сливок на йогурте, перекрывая доступ свету, воздуху и возможности роста нижестоящим.

Патта, как кембрийский трилобит, прорыл себе дорогу в квестуру Венеции, где стал своего рода живым ископаемым. Рядом, застыв в том же слое илистых отложений, находился его помощник лейтенант Скарпа — еще один уроженец Палермо; очевидно, он тоже никуда не рвался. Комиссары приходили и уходили, за время пребывания Патты в Венеции было уже три квесторе; даже компьютеры в офисе дважды

---

¹ Заместитель начальника полицейского управления.

заменяли. Но Патта оставался — уцепившийся за скалу моллюск, которого не смыть набегающей волне, и верный Скарпа рядом.

К городу эти двое не питали ни малейшей симпатии, не говоря уже о любви. Стоило кому-то сказать, что Венеция прекрасна или, хуже того, что это красивейший город в мире, Скарпа и Патта обменивались взглядами, и становилось ясно: у них есть возражения на этот счет, пусть и не озвученные. «Видели бы вы Палермо!» — наверняка думали они.

В приемной Брунетти вполне ожидаемо увидел синьорину Элеттру Дзордзи, секретаршу виче-квесторе Патты. Они поздоровались.

— Комиссарио, виче-квесторе звонил минут пять назад и просил передать, что он скоро будет.

С таким же успехом Влад Цепеш, он же Дракула, мог извиниться за то, что его колья недостаточно остры...

— Что это с ним? — не сумел скрыть изумления Брунетти.

Синьорина Элеттра в раздумье склонила головку и хотела было улыбнуться, но передумала.

— В последнее время виче-квесторе часто разговаривает по телефону с женой, — заметила она. И после паузы добавила: — О чем — трудно сказать. Говорит в основном она, а он довольно скупой ей отвечает.

Наверняка секретарша каким-то образом умудрилась установить в кабинете Патты подслушивающее устройство... Впрочем, подробности Брунетти не интересовали, а догадки он держал при себе.

— Когда приходит лейтенант, они разговаривают стоя у окна.

Означает ли это, что приборчик находится в столе и Патта, подозревая неладное, старается увести помощника подальше, чтобы их голоса невозможно было услышать? Или они со Скарпой просто любят виды?

— Неужели? — вскинул брови Брунетти.

На синьорине Элеттре сегодня была бордовая блузка с белыми пуговками на планке и на манжетах. Судя по красивым переливам ткани, это был шелк.

Секретарша положила руку на стол, расставив пальцы, и тут же накрыла их пальцами другой руки — крест-накрест, так что получилась решетка.

— Понятия не имею, что его беспокоит.

Это прозвучало скорее как вопрос, и Брунетти в очередной раз удивился: если кто и мог знать, что замышляет Патта, то это синьорина Элеттра.

— Разговаривая по телефону с женой, он не нервничает. Просто слушает и твердит, чтобы она делала так, как считает нужным.

— А со Скарпой?

— Нервничает — это еще мягко сказано. — Секретарша помолчала немного, словно размышляя, и добавила: — Такое впечатление, что ему не нравится то, что говорит Скарпа. Виче-квесторе то и дело его прерывает. А однажды даже велел не приставать к нему больше с такими вопросами.

Синьорина Элеттра явно увлеклась: разве могла она услышать все это, сидя в приемной?

— Любовный разлад... — проговорил Брунетти с непроницаемым лицом.

— Похоже на то, — согласилась она и тут же спросила: — Желаете подождать его в кабинете или мне перезвонить вам, когда виче-квесторе вернется?

— Пойду к себе. Позвоните, когда он появится. — И, не в силах удержаться, Брунетти бросил финальную реплику: — Не хочу, чтобы Патта увидел, как я шарю у него в столе.

— Ему бы это не понравилось, — послышался от двери привычный голос.

— А, это вы, лейтенант, — легко отозвался Брунетти, лучезарно улыбаясь человеку, который стоял, лениво привалившись к дверному косяку. — И снова наши сердца

бьются в унисон в стремлении защитить интересы виче-квесторе!

— Это ирония, комиссарио? — с натянутой улыбкой поинтересовался Скарпа. — Или, может быть, сарказм? — После короткой паузы он счел нужным пояснить: — Нам, тем, кто не имел счастья учиться в университете, иногда трудно различить оттенки.

Брунетти помедлил, уделяя вопросу вполне заслуженное внимание, а затем ответил:

— Я бы сказал, что это гипербола, лейтенант. В данном случае — умышленное преувеличение, которое делает высказывание ложным и невероятным. — Не дождавшись от Скарпы ответа, комиссар развил свою мысль: — Гипербола — это стилистическая фигура, придающая нашей речи выразительность. — Скарпа снова промолчал, и Брунетти, все еще улыбаясь, продолжил: — На философии — в университете мы изучали и ее тоже — нам рассказывали об апагогии. *Argumentum ad absurdum*.

Понимая, что перегибает палку, комиссар все-таки удержался и не сказал, что именно этот логический прием выручает его в разговорах с виче-квесторе.

— То есть вы сказали это в шутку? — наконец отозвался Скарпа.

— Конечно, лейтенант! Именно. Разве я могу хоть в чем-то обмануть доверие виче-квесторе? Абсурд! Даже думать об этом смешно. — И Брунетти улыбнулся, как улыбается на приеме у дантиста пациент, когда его просят показать передний ряд зубов.

Быстрым движением Скарпа оттолкнулся от дверного косяка. Секунду назад лейтенант был сама расслабленность, сейчас же выглядел собранным, энергичным и, кажется, даже стал выше ростом. Стремительность, с которой он переменял позу, напомнила Брунетти о змеях из научно-популярных фильмов. Не трогай ее, и она лежит себе, свернувшись,

как неживая. Малейший шорох — и змея мгновенно превращается в хлыст, который до многого может дотянуться.

Брунетти не перестал улыбаться, напротив, его улыбка стала еще более очаровательной. Повернувшись к секретарше, он сказал:

— Пойду к себе! Синьорина, буду очень признателен, если вы позвоните мне, когда придет виче-квесторе.

— Конечно, комиссарио! — кивнула синьорина Элеттра и обратилась к Скарпе: — Чем могу быть вам полезна, лейтенант?

Брунетти направился к двери. Скарпа не шелохнулся, по-прежнему загораживая проход. Время остановилось... Синьорина Элеттра отвела глаза...

В конце концов лейтенант шагнул к ее столу и Брунетти вышел в коридор.

2

У себя на столе Брунетти увидел то, чего предпочел бы не видеть вовсе: папку, в которой, с тех пор как она появилась в квестуре, страницы постоянно добавлялись. Месяца два назад эта папка неделю пролежала в лотке для входящих документов — совсем как приятель, которого приводишь к себе поужинать, а он слишком много пьет, молчит весь вечер и отказывается уходить, в то время как другие гости уже давно разошлись по домам. Папку Брунетти, конечно, к себе не приглашал, но толку от ее содержимого было мало, и как избавиться от нее, было неясно.

В эту темно-зеленую манильскую папку¹ подшивались документы по преступлениям, так или иначе связанным

---

¹ Папка для документов из особой плотной бумаги характерного желто-коричневого цвета.

с автомобилями: нарушение правил дорожного движения, побег с места происшествия, порча придорожных скоростных видеокамер; вождение в пьяном виде или разговоры по *телефонино*¹ за рулем, или, что еще опаснее, набор текстовых сообщений по нему же. В исторической части Венеции автомобилей нет, и потому преступления такого рода редко попадали в поле зрения квестуры.

Здесь также хранились дела, связанные с незаконным получением целого перечня документов: регистрационного удостоверения на автомобиль, страховки, водительских прав, результатов экзамена по вождению. Хотя все эти бумаги подлежали регистрации в центральном офисе, в Местре², о любой незаконной попытке получить их в пределах коммуны немедленно извещали венецианскую полицию.

Самая толстая пачка документов в папке была связана с инцидентом, случившимся «на материке». Прочитав первый же протокол, Брунетти в очередной раз восхитился креативностью своих сограждан. О преступлении заявили врачи больницы, расположенной в Местре: за два дня в отделение неотложной помощи явились пятеро мужчин, и у каждого в ушной раковине было по миниатюрному радиоприемному устройству, причем оно находилось так глубоко, что извлечь его самостоятельно было невозможно. Пришлось ехать в больницу. Врачебный осмотр показал, что у всех пятерых к животу были прикреплены передающие устройства с крошечными видеокамерами, выведенными наружу через петлю для пуговицы на рубашке — повыше, на груди.

Четверо оказались пакистанцами, ни один не мог объясняться по-итальянски, так что пришлось вызвать сперва переводчика, а уже потом полицию. Выяснилось, что все пятеро посещали одну школу вождения в Местре и накануне

---

¹ Мобильный телефон (*итал., разг.*).

² Материковый район Венеции.

провалили устный экзамен на знание дорожных знаков. Позже полиция установила, что передатчики им на животы прикрепили сотрудники автошколы, радиоприемники в уши — они же. Посредством камеры изображение дорожного знака, значение которого просил пояснить экзаменатор, передавалось «удаленному помощнику», который и диктовал экзаменуемому нужную информацию. Так эти люди сдавали экзамен и получали водительские права.

Брали за это две-три тысячи евро с человека, и за то время, пока схема не раскрылась, за рулем, скорее всего, оказалось несколько сот неквалифицированных водителей, причем не только автомобилей, но и большегрузов дальнего следования, и автопоездов.

В квестуре с содержимым папки ознакомились все без исключения, поэтому Брунетти решил оставить ее на столе — так водитель, отчаявшись вырваться из пробки, выезжает на аварийную полосу и по ней едет до ближайшей развязки.

Брунетти даже подозревал, что держит эту папку у себя для напоминания, каким изобретательным может быть человек, особенно если речь идет об обогащении.

Зазвонил телефон.

— Комиссарио, виче-квесторе на месте, — произнесла синьорина Элеттра особым тоном, давая понять: Патта стоит у ее стола.

— Уже иду! — ответил Брунетти, поднимаясь.

Когда он вошел в приемную, виче-квесторе по-прежнему возвышался возле секретарского стола: обсуждал с синьориной Элеттрой свое сегодняшнее расписание. Брунетти отметил и красивый осенний загар начальника, и его темно-серый костюм, которого раньше не видел. На костюме комиссар и сосредоточился, не вмешиваясь в разговор. Немая ласка, с которой пиджак обнимает широкие плечи Патты, мягкий изгиб ткани на единственном зацепе у пояса... Взгляд Брунетти пробежал по рукаву и остановился на обшлаге,

вернее, на петлях для пуговиц. Они действительно были обметаны вручную — деталь, всегда заставлявшая комиссара восхищаться мастерством портного.

Черные туфли виче-квесторе, несомненно, тоже изготовлены на заказ, а почти незаметная перфорация на носке — всего лишь способ подчеркнуть мягкость кожи. И эти шнурки с кисточками! Нравилось это Брунетти или нет, но туфли Патты были прекрасны.

— А, комиссаро! Доброе утро! — любезно поприветствовал его виче-квесторе. — Прошу вас ко мне в кабинет.

С годами Брунетти понял: Патта соотносит свою манеру речи с важностью персоны, к которой эта речь обращена. С квесторе он говорил на безупречном итальянском, недостижимом даже для коренных тосканцев¹. Так же — с синьориной Элеттрой. Палермский акцент усиливался прямо пропорционально понижению собеседника в ранге. Появлялись странные гласные; существительные женского рода внезапно приобретали окончание *i*; удвоенные *ll* превращались в *dd*; *Madonna* начинала звучать как *Maronna*; *bello*² превращался в *beddu*. Временами у слов пропадала заглавная *i* и возвращалась на место, лишь завидев начальство или другую важную особу. Судя по сегодняшнему приветствию виче-квесторе, он, Брунетти, явно взлетел по карьерной лестнице, причем ступеней на пять. Правда, здравый смысл подсказывал ему: это ненадолго.

Патта вошел в кабинет первым, предоставив комиссару закрыть дверь. Виче-квесторе направился было к своему креслу, но потом передумал и опустился на стул для посетителей, стоявший у стола. Брунетти разместился на втором таком же стуле.

Когда оба уселись, Патта произнес:

¹ Тосканский диалект признан эталоном.

² Красивый (*итал.*).